

ТРАВМА И «ГОЛОСА» В РОМАНЕ АБРАХАМА ВЕРГЕЗЕ «РАССЕЧЕНИЕ СТОУНА» (2008)

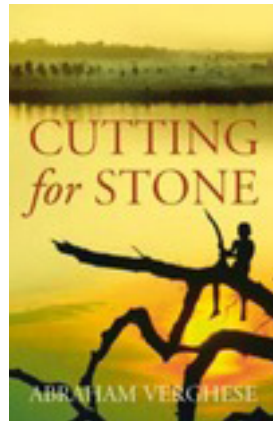
Лилия Фуатовна Хабибуллина

доктор филологических наук,
профессор кафедры зарубежной литературы
Казанского федерального университета (Казань, Россия)
e-mail: fuatovna@list.ru
ORCID: 0000-0002-3550-1986

Аннотация. В статье рассматривается роман американского писателя индийского происхождения Абрахама Вергезе (“Abraham Verghese”, 1955) «Рассечение Стоуна» (“Cutting for Stone”, 2008) с точки зрения проблемы травматического опыта, проживаемого прежде всего на уровне тела. Абрахам Вергезе, американский писатель индийского происхождения, является профессиональным врачом, почетным доктором ряда университетов США, что во многом определяет форму описания травматического опыта в его романах. В то же время обращение писателей к репрезентациям травмы характеризует современный литературный процесс в целом. Описание телесного опыта проживания травмы в произведении с преимущественно «медицинским» сюжетом возможно посредством либо «голоса медицины» (носителем которого является обычно врач), либо «голоса пациента». Разница в способе проживания травмы определяется в романе принадлежностью к определенному поколению, профессиональной принадлежностью и этнической идентичностью героев. Представители старшего поколения индийского и английского происхождения (преимущественно врачи и священнослужители: сестра Мэри Джозеф Прейз, доктор Томас Стоун, врачи Калпана Хемлата Хема и Абхи Гхош) проживают свой опыт через душевные страдания, игнорируя или преодолевая физический опыт. Нарратор романа индо-английского происхождения (Мэрион Стоун) проживает одновременно со своим братом – сиамериканским близнецом (Шивой Стоуном) – травму «рассечения», то есть утраты, а также другие типы травмы, прежде всего через телесное взаимодействие с миром и Другим. Особенность опыта героев состоит в том, что они выступают и как пациенты, и как врачи в различных ситуациях своей жизни в Африке и США. Африканцы (происходящие из Эритреи или Эфиопии подруга близнецов Генет, ее мать Розина, Циге, священник и садовник

Гебре) становятся инициаторами травмирования, иначе воспринимая травму, в том числе и телесную. Различные способы восприятия и отображения травматического опыта героев определяют травматический фон произведения.

Ключевые слова: Абрахам Вергезе, «Рассечение Стоуна», американская литература, травматический опыт в литературе, нарратив, телесность, современная литература



Проблематика травмы на сегодняшний день является одной из определяющих тенденций в американской литературе, в частности, индивидуальная, психологическая травма еще с 1980-х гг. является одной из определяющих национальную традицию тем. Здесь можно упомянуть произведения на тему «рассеченного» сознания, в частности широко известный роман Дэниела Киза «Множественные умы Билли Маллигана» (“The Minds of Billy Milligan”, 1981) [Киз] и предшествовавшую ему «Сивиллу» (“Sybil”, 1973) Флоры Риты Шрайбер [Schreiber], в которых описаны медицинские случаи «множественных» личностей и связанных с этим травматичных состояний. Более известны романы Донны Тартт, прежде всего «Тайная история» (“The Secret History”, 1992) [Тартт 2008], «Щегол» (“The Goldfinch”, 2013) [Тартт 2014], широко исследуемые с точки зрения интересующей нас проблематики (например: [Corrigan]), а также произведения Дж. Евгенидиса «Средний пол» (“Middlesex”, 2002) [Евгенидис 2003], «А порою очень грустны» (“The Marriage Plot”, 2011) [Евгенидис 2012], которые затрагивают и медицинские аспекты травмы, и патологические состояния психики [Файзуллина], столь актуальные для современной литературы такого рода. Несмотря на наличие в ряде перечисленных романов медицинского аспекта, в произведении, о котором пойдет речь, травматический опыт представлен, на наш взгляд, несколько иначе.

Специфика рассматриваемого нами ро-

мана Абрахама Вергезе «Рассечение Стоуна» (“Cutting for Stone”, 2008) определяется его «телесным», медицинским акцентом; произведение не исчерпывается сюжетом травмы, важной составляющей травматического фона романа становится образ «рассеченного» в прямом смысле слова тела. В этом произведении, во-первых, описывается особый медицинский случай – «рассечение» сиамских близнецов, а во-вторых, большинство героев романа, как и его автор, врачи, соответственно ракурс изображения ориентирован на жизнь тела.

Введение образа близнецов позволяет автору художественно осмыслить случай «другого» тела, описанный М. Мерло-Понти [Мерло-Понти], а также Ж. Лаканом [Лакан] через метафору зеркала, где Другой – это другой «Я». В случае же сиамских близнецов это ситуация особой зеркальности, когда рассечение, произведенное еще при их рождении, позволяет преодолеть ситуацию растворенности в общем «Я», обрести самостоятельность, а затем, после смерти одного из них (в результате трансплантации органа), вновь вернуться к единству.

Говоря о стадии зеркала, Лакан пишет:

«Стадия зеркала, таким образом, представляет собой драму, чей внутренний импульс устремляет ее от несостоятельности к опережению – драму, которая фабрикует для субъекта, попавшегося на приманку пространственной идентификации, че-

реду фантазмов, открывающуюся расчлененным образом тела, а завершающуюся формой его целостности, которую мы назовем ортопедической, и облачения, наконец, в ту броню отчуждающей идентичности, чья жесткая структура и предопределяет собой все дальнейшее его умственное развитие. Таким образом, прорыв круга *Innewelt* в направлении к *Umwelt* порождает неразрешимую задачу инвентаризации «своего Я» [Лакан: 513].

Однако описанная Лаканом драма становления личности в некоторых случаях может стать травматическим опытом, что нашло специфическое преломление в сюжете рассматриваемого нами романа. Кроме того, следует выделить мысль о значении образов расчлененного (в романе рассеченного) тела для формирования впоследствии целостного образа «Я».

Тело в художественном произведении осуществляет целый ряд функций. Во-первых, память тела, как отмечает Л.Д. Бугаева «фундирует фактичность повествования, вступая в борьбу с небытием» [Бугаева: 281]. Во-вторых, тело обеспечивает высокий уровень читательской эмпатии в отношении нарратора: «наррация телесного и интимного телесного опыта, создающая пространство до-

верия между нарратором и слушателем или читателем, в большей мере, чем наррация других событий и ситуаций личной истории, укрепляет память о телесном – “материальном” существования “я” и тем самым утверждает реальность его существования» [Там же: 284]. В еще большей степени эта эмпатия усиливается в случае опыта близнецов, поскольку речь идет о редкой специфической «телесной нехватке», которая, по мнению Бугаевой, предполагает выход за пределы телесности¹, и даже за пределы жизни в нашем случае. Кроме того, для понимания характера повествования отметим размышление самого Вергезе о двух голосах во «врачебной» истории: «голосе медицины» и «голосе пациента» [Verghese: 1016]. Если голос медицины – это безличное повествование о медицинском «случае», то голос пациента – эмоциональная история о страдании живого человека: «В конце концов, именно так пациенты и обращаются к нам – рассказывая свою историю произошедшего, которую мы затем переводим в историю текущего заболевания. Рассказ пациента о своей болезни обычно уникален и совершенно отличается от того, что мы записываем в медицинскую карту»² [Verghese: 1016].

¹ Бугаева говорит о более традиционных вариантах такого рода «нехватки», например ампутации, в нашем же случае речь идет об «ампутации» Другого «Я», брата-близнеца, что в разы усиливает описанный эффект.

² Здесь и далее перевод наш – Л. Х.

Переживание телесного опыта в романе различно для представителей разных этнических групп. Основные герои романа – это выходцы из Индии (сестра Мэри Джозеф Прейз, Калпана Хемлата Хема и Абхи Гхош), выходцы из Африки (Генет, ее мать Розина, Циге, священник и садовник Гебре), а также англичанин (Томас Стоун). Главные герои романа – Шива и Мэрион Стоун – совмещают в своей судьбе все упомянутые идентичности: дети индуски и англичанина, воспитанные индусами, уроженцы Африки, живущие в основном в Африке и немного в США (Мэрион). Все герои романа в разной степени и по-разному травмированы. Рассмотрев различные типы проживания травмы для представителей разных поколений и этнических групп, мы остановимся, прежде всего, на значимой для этого романа и манеры Абрахама Вергезе, писателя и врача, связи душевной и физической травмы.

Представители старшего поколения индийцев Хемлата и Гхош, а также англичанка матушка Херст практически избегают телесных страданий. Несколько иная ситуация складывается у представителей семьи Стоун. Англичанин Томас Стоун, отец близнецов, в романном «настоящем» непосредственно не переживает физических страданий, его травма потери связана с нравственными муками, он оказывается бессилён перед лицом утраты любимой женщины. Однако специфика его мировосприятия определяется

детскими переживаниями, которые почти целиком связаны с болезнями: его отец болен сифилисом, мать – туберкулезом, осложненным сифилисом, сам он болен туберкулезом. Детский опыт боли и потери (прежде всего, потери матери) накладывает отпечаток на мировосприятие героя, определяет выбор профессии и последующие поступки. При этом физические страдания, в том числе собственные (например, он сам себе ампутировал зараженный во время операции палец), будто не затрагивают героя. При описании жизни Томаса Стоуна практически всегда доминирует бесстрастный «голос медицины». Лишь потеря любимой женщины, монахини Мэри Джозеф Прейз, радикально меняет его обычное поведение, возвращая детскую боль и беспомощность. Всегда решительный и смелый, он покидает операционную, уезжает из страны: «Его охватила беспомощность вроде той, которую, наверное, испытывают родственники больного, и это чувство оказалось крайне неприятным. Губы у Стоуна позорно затряслись. Но хуже всего был охвативший его ужас и полный паралич мысли» [Вергезе: 27].

Желая спасти любимую женщину, он едва не убивает во время родов одного из своих сыновей; сросшихся головами сиамских близнецов он не видит затем практически половину жизни. Сама Мэри Джозеф Прейз, которая подверглась сексуальному насилию еще при въезде в Африку, мучительно уни-

рает в родах. Для всех персонажей романа она представляется в идеализируемых и возвышенных очертаниях, что также относится к Хеме, Гхошу, матушке-распорядительнице в трагические моменты их жизни. Таким образом, в описании старшего поколения в романе, представленного индийцами и англичанами, хотя и присутствует телесный опыт проживания травматических событий, он не становится определяющим, в отличие от молодого поколения, представленного образами рассказчика Мэриона, его брата-близнеца Шивы и африканки Генет. Более того, их миссия (как врачей) самим причинять боль ради терапевтических целей. Как отмечает Мусуми Рой Чоудхури: «В разделе, посвященном Эфиопии, описание связи индийского врача-эмигранта с африканским телом, испытывающим боль, подобно обретению веры» [Chowdhury:42]. В то же время они переживают страдание из-за ран младшего поколения, воспринимая их боль как свою, выходя тем самым за пределы безэмоционального «голоса медицины».

Главная травма (разделения близнецов) в романе задается в самом начале именно через телесные метафоры: «Но есть и дырка иного рода – кровавый разрыв, что разделяет семью. Порой при рождении, порой позже. Все мы пытаемся сшить разорванное. Это цель жизни. Невыполненная, она переходит к следующему поколению» [Вергезе: 5]. И далее: «Я бесконечно верю в хирургию,

но ни один специалист не в силах вылечить кровоточащую рану, разделяющую двух братьев» [Там же]. Таким образом, метафора «рассечения» определяет характер описания травматического опыта в романе, а то, что рассказчик описывает собственный опыт, переводит повествование в эмоциональный регистр, обозначаемый А. Вергезе как «голос пациента», который доминирует при описании переживаний рассказчика.

Сами близнецы с самого начала проживают травму именно через телесный опыт: родившиеся со сращенными головами, они разделены сразу после рождения, после чего какое-то время не дают признаков жизни. Травма «рассечения» в данном случае может быть определена как травма утраты, которую предстоит преодолевать в течение всей жизни, при этом потеря родителей носит характер психологической травмы, а телесная травма, связанная с потерей брата-близнеца, ощущаемого как часть себя, преодолевается на всех этапах жизни только одним способом: в трудные минуты близнецы вновь соединяют головы, что помогает им обрести целостность и пережить очередную утрату. М. Мерло-Понти так пишет о ситуации взаимоотношений с Другим: «Существует, в частности, один культурный объект, который должен играть главную роль в восприятии другого – это язык. В диалоге между мной и другим устанавливается общая территория, мое и его мышление сплетаются в единую

ткань, мои высказывания и высказывания моего собеседника порождаются ситуацией дискуссии, они включаются в общую операцию, которую никто из нас двоих не создавал» [Мерло-Понти: 452]. В случае героев романа такой диалог происходит не на уровне языка, а на уровне сознания, Шива и Мэрион существуют будто в едином ментальном поле, понимая друг друга без слов, и лишь постепенно это поле их общего сознания разделяется, и Мэрион начинает ощущать Шиву не как другого себя, а как Другого.

Тяжесть разделения подчеркивается тем, что и в дальнейшем травмы близнецов переживаются на уровне тела, то есть душевные травмы проживаются физически. Первая психологическая травма одного из близнецов также связана с телесной: увидев, как убивают щенков собаки Кучлу, Шива получает ожоги и ссадины, пытаясь их спасти [Вергезе: 105]. О силе воздействия этого события говорит то, что Шива после этого события впервые в жизни заговорил в возрасте восьми лет, это позволило близнецам одновременно осознать жестокость мира и свою отдельность от него: «Теперь, когда он заговорил и мог самовыражаться, Шива-Мэрион уже не всегда двигался и говорил как одно существо. Доселе мы как бы дополняли друг друга, различия между нами стирались. Но после гибели щенков наши пути стали понемножку расходиться. Брат жалел животных. Налаживать отношения с людьми он предоставил мне» [Там же: 108].

Травма утраты развивается, это вновь связано с жизнью тела близнецов: теперь Мэрион не говорит за Шиву, их языковое поле уже не является общим, оно разделено. Отметим, что «взрослая» травма часто связывается с утратой речи, «детская» же, напротив, с ее обретением. В дальнейшем разделенность углубляется, когда Мэрион замечает, что Шива хорошо и с удовольствием танцует, а Мэриону язык тела оказывается недоступен. Таким образом они разделены по проявлению способностей – одному достаются преимущественно интеллектуальные способности и развитая речь, другому – интуиция, язык тела, затем проявления сексуальности. Там, где Шива чувствует себя легко и уверенно, Мэрион хранит целибат.

Травмы Мэриона и далее связаны с телесным взаимодействием с другими людьми. Первое важное травмирующее событие в его жизни, помимо разделения с братом, – это арест приемного отца Гхоша и следующее за этим случайное убийство солдата армии императора, который явился, чтобы украсть мотоцикл (Мэрион пытался вытащить пистолет, застрявший от удара в ребрах солдата, и пистолет выстрелил). Эти события определяют выбор медицинской профессии героя и начало поисков отца. Если событие ареста известно всем, то убийство солдата скрывается даже от приемных родителей Мэриона, что предопределяет травму вины. В последующей сцене, когда расследовать пропажу солдата

является его брат, Мэрион «свидетельствует телом» (Ш. Фелман) [Felman, Laub: 219]: «Стоило Гхошу и Хеме удалиться обратно в дом, как я свернул за угол и меня вырвало. Генет и Шива бросились было за мной, но я замахал им рукой, чтобы шли прочь. У желудочно-кишечного тракта имелись свой разум и свое сознание» [Вергезе: 145]. Мэрион переживает травму вины за убийство и одновременно испытывает эмоции за себя и за невинного брата, который будто обладает иным типом сознания вне рефлексии, а, следовательно, и вне травмы.

Следующий вид травмы, с которой сталкивается вновь лишь один из близнецов, Мэрион, это травма предательства. Она связана с Генет, африканской девочкой, затем девушкой, о которой Мэрион мечтает всю жизнь, а Шива легко вступает с ней в сексуальную связь:

«Шива, понимаешь ли ты, что ты, именно ты всему виной? Ты лишил Генет невинности, и это не просто биологический акт. Из-за этого повесилась Розина, из-за этого Генет отдалилась от нас, из-за этого я сейчас ненавижу девушку, на которой собирался жениться. А Хема до сих пор считает, что это я обидел Генет. Сознаешь ли ты, как меня предал? Прощаться с тобой – все равно что резать по живому» [Вергезе:187].

В данном случае речь идет о пусть не травмирующем на физическом уровне, как в предыдущих случаях, но о *телесном* взаимодействии (в данном случае, Шивы), кото-

рое переживается Мэрионом как тяжелый удар, изменивший его отношения с братом.

Его чувства к Генет также осложнены травматическим опытом, связанным с телесным взаимодействием (как в детстве, когда Генет повела себя оскорбительно в отношении мальчика, так и во взрослом возрасте, когда их сексуальный контакт оказался болезненным). Эти отношения на протяжении всей жизни сопровождались побоями и нанесением травм: «Она ухватила меня за мизинец, согнула и, ей-богу, сломала бы, если бы я не вырвал руку» [Там же: 151]. Герои оказались почти неспособными на разговор друг с другом, а их любовь стала ассоциироваться с борьбой:

«Вертикальные шрамы на висках заглубели. Перед глазами у меня встал тот день, когда Розина бритвой нанесла их, темная кровь, что сочилась из ран. Я запрокинул ей голову еще выше. Все равно она не смотрела мне в глаза. Показать бы ей мои шрамы: один, оставшийся после того, как они с Шивой меня предали, и второй, что нанесла мне она, когда заделалась большей эритрейкой, чем сами эритрейцы, и участвовала в угоне самолета, вследствие чего мне пришлось бежать из моей страны. Хотелось, чтобы она почувствовала, какая ярость скрывается за моим внешним спокойствием, как наливаются кровью мои мускулы, как сжимаются и зудят мои пальцы, готовые впиться ей в глотку» [Там же: 246].

Любовные отношения, таким образом, для главного героя также неотделимы от

телесного взаимодействия, которое, оказывается (по независящим от него причинам) связанным с нанесением друг другу физических ран.

Возвращаясь к травме разделения, «рассечения» с братом, скажем, что она развивается на протяжении всего романа и «преодолевается» лишь в его конце решением Шивы пожертвовать частью печени для пересадки брату, здесь вновь актуализируется телесное взаимопроникновение для преодоления предшествующего травматического опыта. Шива идет на операцию охотно и добровольно, а Мэрион она воспринимается как насилие: «И вот они передо мной, лица, организовавшие спланированное насилие над моим телом. С виду такие скромные и застенчивые, они полны амбиций, что и позволило им рискнуть жизнью Шивы ради моей жизни» [Там же: 262].

Братья, головы которых были разделены при рождении, соединяются посредством новой медицинской операции: «Родившиеся как единое целое, грубо разделенные, мы снова слились воедино» [Там же: 266]. Рассечение, таким образом, ставшее главной травмой для близнецов, транслируемой через нарратив Мэриона, «закольцовывается» в этом романе ситуацией, когда Томас Стоун, едва не убивший Шиву в начале романа, чтобы спасти свою возлюбленную, совершает финальное «рассечение»: операция по пересадке печени ведет в конечном счете

к смерти Шивы и символическому «воссоединению» единого организма «Шива-Мэрион».

Совершенно иначе в романе показано отношение к травматическому телесному опыту у африканцев, многие из которых становятся пациентами главных героев. Их болезни запущены, а физические страдания многочисленны. Наиболее ярко отношение к телесной травме показано на примере Генет, для которой физическое травмирование тела, которое также может быть описано как «рассечение», является чем-то приемлемым и даже желательным. В ее случае также преобладает «голос пациента», однако это не опыт страдания и преодоления, а опыт борьбы. Хотя Шива и по имени, и в восприятии Мэриона выглядит как разрушитель, истинно разрушительное начало несет в себе именно образ африканки, а точнее, эритрейки Генет. Выделяются две сцены с Генет и ее матерью Розиной. Первая, когда Розина после смерти ее отца вырезает у Генет на висках по две линии: «На висках возле бровей – глубокие вертикальные разрезы вроде цифры 11, по два с каждой стороны. Свернувшаяся кровь была черная как смола» [Там же: 149]. В этот раз Генет говорит, что сама попросила мать это сделать. Вторая – когда Розина производит обрезание Генет после ее секса с Шивой. Женское обрезание – тяжелая и навсегда уродующая женщину операция – проводится Розиной, не имеющей никакого медицинско-

го образования, без всякого наркоза, самым варварским способом. Оба травмирующих эпизода связаны для героини с потерей родителей – первый следует за потерей отца, второй предваряет потерю матери (после операции Розина повесилась), оба отдаляют ее от окружающих людей, однако Генет, в отличие от Мэриона, лишь ожесточается и дальше двигается по пути разрушения, кульминацией которого становится угон самолета, приведший к изгнанию Мэриона из Африки. Вторая, «американская» кульминация истории Генет также связана с ножом, но теперь уже она наносит раны мужу и его любовнице: «Я их порезала, правда, не так сильно, как задумала. Они убежали. Я дождалась полицейских» [Там же: 249]. Генет на протяжении всей ее жизни желает совершить нечто героическое. В первый раз, когда она угоняет самолет, она разочарована, во второй раз, когда пытается убить мужа, такого же беглого эритрейца, как она сама, и его любовницу, она чувствует удовлетворение: «Мне казалось, я сбросила кандалы, в которые мои руки были закованы всю жизнь. Я искала величия – и получила его. Я обрела свободу в ту самую минуту, когда меня свободы лишили» [Там же: 249].

Последняя встреча героя с Генет в США также связана с упоминанием ее телесных травм: «Меня пырнули ножом за то, что не прятала глаз. <...> Мне селезенку удалили» [Там же: 246]. Генет на протяжении жиз-

ни постоянно получает, а затем и наносит увечья, но она воспринимает большинство травм как желаемые и необходимые этапы на пути к «величию» и «свободе», ее главным, но, как показывает судьба, иллюзорным ценностям. «Рассечение» в большинстве случаев проводится ею самой или по ее желанию.

Таким образом, в романе «Рассечение Стоуна» травматический фон определяется многочисленными травмирующими ситуациями, большинство из которых проживаются героями прежде всего как телесный опыт. При этом старшее поколение персонажей, индийцы и белые, переживают прежде всего моральные страдания, телесный опыт, хотя и упоминается в романе, но не описывается (за исключением ключевой сцены смерти Мари) подробно. Если в отношении старшего поколения используется скорее «голос медицины», описывающий травматический опыт извне, то в отношении младшего преобладает «голос пациента», что предопределено нарративной позицией представителя этого поколения. Младшее поколение проходит свой опыт прежде всего как опыт телесный, вне зависимости от типа травмы, при этом полуиндийцы-полуангличане Мэрион и Шива переживают травму «рассечения», становясь преимущественно жертвами травмирования, для африканки Генет физическое травмирование себя и других становится способом поиска «величия и свободы», спо-

собою освобождения от моральных травм и условием разрушительного для окружающих движения вперед. Специфика проживания травматического опыта персонажами этого романа определяется значимостью телесного опыта для преодоления травматических ситуаций.

Литература

Бугаева, Л.Д. Литература и rite de passage. СПб: ИД «Петрополис», 2010.

Вергезе, А. Рассечение Стоуна / пер. с англ. С. Соколова. М.: «Фантом-пресс», 2016.

Евгенидис, Д. Средний пол / пер. с англ. М. Ланиной. СПб.: Амфора, 2003.

Евгенидис, Д. А порою очень грустны / пер. с англ. А. Асланян. М.: Corpus, 2012.

Лакан, Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа 1954/55. Семинары. Кн. 2 / пер. А. Черноглазова. М.: «Гнозис», «Логос», 1999.

Киз, Д. Множественные умы Билли Миллигана / пер. с англ. А. Костровой, А. Бойкова. М-СПб: Эксмо, 2002.

Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / пер. с франц. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб: «Ювента» «Наука», 1999.

Тартт, Д. Тайная история / пер. с англ. Д. Бородкина, Н. Ленцман. М.: Иностранка, 2008.

Тартт, Д. Щегол / пер. с англ. А. Завозовой. М.: Иностранка, 2014.

Файзуллина, Р.А. Метамодернистская специфика воплощения темы психического расстройства в романе «Свадебный сюжет» Дж.

Евгенидиса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2026. 19 (3). С.1096–1101.

Chowdhury, M.R. (2016). Routes and dwellings: transnationality and writing the Indian diaspora in Ethiopia in Abraham Verghese's Cutting for Stone. *Nidān: International Journal for Indian Studies*, 1(1), 24–47.

Corrigan, Y. (2018). Donna Tartt's Dostoevsky: trauma and the displaced self. *Comparative Literature*, 70(4), 392–407.

Felman, S., & Laub, D. (1992). Testimony: crises of witnessing in literature, psychoanalysis and history. N.Y.: Routledge.

Schreiber, F.R. (1973). Sybil. New York: Warner Books.

Verghese, A. (2001). The physician as storyteller. *Annals of Internal Medicine*. 135(11), 1012–1017.

References

Bugayeva, L.D. (2010). *Literatura i rite de passage* [Literature and rite de passage]. Saint Petersburg: Petropolis.

Chowdhury, M.R. (2016). Routes and dwellings: transnationality and writing the Indian diaspora in Ethiopia in Abraham Verghese's Cutting for Stone. *Nidān: International Journal for Indian Studies*, 1(1), 24–47.

Corrigan, Y. (2018). Donna Tartt's Dostoevsky: trauma and the displaced self. *Comparative Literature*, 70(4), 392–407.

Evgenidis, D. (2003). *Middlesex* (M. Lanina, Trans.). Saint Petersburg: Amfora.

Evgenidis, D. (2012). *The marriage plot* (A. Aslanyan, Trans.). Moscow: Corpus.

Fajzullina, R.A. (2026). Metamodernistskaya specifika voploshcheniya temy psihicheskogo rasstrojstva v romane «Svadebnyj syuzhet» Dzh. Evgenidisa [The metamodernist specificity of the embodiment of the theme of mental disorder in the novel “The Marriage Plot” by J. Eugenides]. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki* [Philology. Theory & Practice], 19 (3), 1096–1101.

Felman, S., & Laub, D. (1992). *Testimony: crises of witnessing in literature, psychoanalysis and history*. N.Y.: Routledge.

Keyes, D. (2002). *The minds of Billy Milligan* (A. Kostrovaya, & A. Bojkov, Trans.). Moscow - Saint Petersburg: Eksmo.

Lacan, J. (1999). *Le séminaire – Livre II: Le moi dans la théorie de Freud et dans la technique*

de la psychanalyse [The ego in Freud’s theory and in the technique of psychoanalysis] (A. Chernoglazov, Trans.). Moscow: Gnozis, Logos.

Merleau-Ponty, M. (1999). *Phénoménologie de la perception* [Phenomenology of perception] (I.S. Vdovina, & S.L. Fokin, Eds. & Trans.). Saint Petersburg: Yuventa, Nauka.

Schreiber, F.R. (1973). *Sybil*. New York: Warner Books.

Tartt, D. (2008). *The secret story* (D. Borodkina, & N. Lencman, Trans.). Moscow: Inostranka.

Tartt, D. (2014). *The goldfinch* (A. Zavozova, Trans.). Moscow: Inostranka.

Verghese, A. (2001). The physician as storyteller. *Annals of Internal Medicine*, 135(11), 1012–1017.

Verghese, A. (2016). *Cutting for Stone* (S. Sokolov, Trans.). Moscow: Fantom-press.

Для цитирования: Хабибуллина, Л.Ф. Травма и «голоса» в романе Абрахама Вергезе «Рассечение Стоуна» (2008) // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2026. Т. 11. № 1. С. 221–233. DOI: 10.18522/2415-8852-2026-1-221-233

For citation: Khabibullina, L.F. (2026). Body and trauma in Abraham Verghese’s Novel “Cutting for Stone”. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 11 (1), 221–233. DOI: 10.18522/2415-8852-2026-1-221-233

BODY AND TRAUMA IN ABRAHAM VERGHESE'S NOVEL "CUTTING FOR STONE" (2008)

Lilia F. Khabibullina, DSc in Philology, Professor at Kazan Federal University (Kazan, Russia); e-mail: fuatovna@list.ru

Abstract. This article focuses on the novel "Cutting for Stone" (2008) by the American writer of Indian origin Abraham Verghese. The aim of addressing this material is to determine the role of the traumatic experience, primarily on a bodily level. As a practicing physician, Verghese honorary doctor of a number of US universities, which largely determines the way in which his novels describe traumatic experience. At the same time, this way of representation of trauma is relevant to the contemporary literature. This type of experience can be described through either the 'voice of medicine' or the 'voice of the patient'. The characters' generation and ethnicity determine the way of traumatic experience. Older generation of Indian and British origin (primarily doctors and clergy: Sister Mary Joseph Praise, Dr. Thomas Stone, and Drs. Kalpana Hemlatha (Hema) and Abhi Ghosh), endure psychological sufferings, ignoring or overcoming physical experience. The narrator, Marion Stone, who is of mixed descent, and his twin (Shiva Stone) copes with the trauma of 'cutting' or loss, as well as other types of trauma, primarily through the body interaction with the world and the Other. The uniqueness of the characters' experience lies in their roles as both patients and doctors in various situations of their lives in Africa and the United States. Africans (the twins' friend Genet, her mother Rosina, Tsige, the priest, and the gardener Gebre, all of Eritrean or Ethiopian descent) become the agents of trauma, perceiving it, especially the physical one, in another way. Different ways of depicting the characters' traumatic experiences determine the traumatic backdrop of the novel.

Key words: Abraham Verghese, "Cutting for Stone", American literature, trauma in literature, narrative, corporality, contemporary literature

